

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398

С. Б. Адоньева

ОБРАЩЕНИЕ В УСТНОЙ РЕЧИ И КОНВЕНЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Предмет анализа — область референции вокативов в устной спонтанной и конвенциональной речи. Репертуар обращений, возможных между одними и теми же людьми, а также обращений, возможных между ними в норме, но никогда ими не используемых, обнаруживает существование особой области значений, актуальных для данного речевого и социального сообщества: приемлемого — во-первых, согласованного — во-вторых, и, в-третьих, постоянно подтверждаемого в актах коммуникации типа отношений. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: обращение, конвенции социальных отношений, акты коммуникации.

ADDRESSING IN ORAL SPEECH AND FRAMES OF SOCIAL NETWORK

S. B. Adonyeva

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The object of the research is a referential field of addressing in a spoken language. Repertoire of acceptable addressing and normatively acceptable but never used addressing in oral speech demonstrate the specific field of meanings, which is very important part of social conventions of the speech community. Addressing in everyday communications is the process of negotiating, accepting or refusing of actual relations of communicants. Refs 8.

Keywords: addressing, frames of social network, everyday communication.

Как следует из словарного определения, обращение — «наименование лица или, в случае олицетворения, неодушевленного предмета или явления, к которому обращено высказывание; ср.: *Петя, что ты завтра делаешь? Петя, возвращайся скорей! Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч* (А. Пушкин). Первичное назначение обращения состоит в том, чтобы привлечь внимание слушающего и дать понять, что высказывание обращено именно к нему. Поэтому присутствие обращения особенно характерно для вопросительных и побудительных предложений, требующих непосредственной реакции конкретного адресата — ответа или действия» [Архив петербургской русистики]. Таким образом, можно заключить, что

* Статья подготовлена в рамках проекта «Коммуникативные параметры жанров русского фольклора: номинации и обращения» (Шифр ИАС УНИ 31.38.309.2014).

обращение ведет себя подобно имени собственному, которое, также следуя словарному определению, служит для выделения объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект. И поэтому оно не имеет референта, но непосредственно связано с денотатом [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 473]. Тем не менее, как показывает анализ устной коммуникации, и имя собственное, когда оно используется в качестве апеллиатива, и любая другая лексическая форма, используемая в этом качестве, имеют область референции. Референтами обращений — это мой тезис, в доказательство которого ниже будут приведены некоторые аргументы, — служат конвенции межличностных или социальных отношений¹.

Инициатор коммуникации посредством употребления обращений определяет «коммуникативный коридор», т. е. задает сценарий того, как именно будут взаимодействовать собеседники: как товарищи или как коллеги, как друзья из одного двора или как спикеры на международном форуме, как старшие и младшие в семье или как учитель и ученик. Используемое в качестве обращения слово обретает значение, отличное от того, которое то же слово будет иметь в нарративной части высказывания, или, как это определил Эмиль Бенвенист, в плане истории [Бенвенист, с. 271]. Обращение апеллирует к одному из типов отношений, актуальных для данного речевого сообщества. Собственно, социальные отношения создаются и поддерживаются посредством повседневной коммуникации, и обращения — один из инструментов этой социальной работы. Как отмечал Гарольд Гарфинкель, «нравственный закон воплощен в упорядоченных по некоторым правилам действиях повседневной жизни. Члены общества сталкиваются с ним и знают о нем как об обычном, по их ощущению, ходе действий: в знакомых картинах ежедневных дел, в мире повседневной жизни, который знаком им, как и всем остальным, и воспринимается как нечто само собою разумеющееся» [Гарфинкель, с. 42–46]. Выбирая обращение, говорящий именуется адресата. Он определяет то, кем коммуниканты друг другу приходится, определяет характер связи между ними, или, как это было названо выше, «коммуникативный коридор». Принятые в данном сообществе и постоянно подтверждаемые в актах коммуникации типы связей определяют этос сообщества, или, по Гарфинкелю, «нравственный закон». Начиная речь, я использую для адресата ту или иную номинацию. Знание о том, как, где и к кому я могу обратиться, представляет собой не только языковой, но и социальный навык, а набор используемых мною обращений определяет мой социальный «горизонт», определяет те типы отношений, которые я как актер в принципе могу создавать и поддерживать.

Использованное в начале разговора обращение принуждает собеседников к определенному типу дальнейшего взаимодействия. Как каждый знает по личному опыту, переход от одного способа обращения к другому в межличностных отношениях всегда очень затруднителен, изменение используемых обращений меняет их характер. Как мы теперь будем общаться: на *ты* или все еще на *Вы*? Я буду называть Вас Петр Петрович, Петрович или Петя? Такого рода переход многое оз-

¹ Для анализа использованы интервью, проведенные мною в 2015 г. в Санкт-Петербурге с мужчинами и женщинами в возрасте от 17 до 75 лет (всего было опрошено 97 человек, в скобках указывается пол, возраст и место рождения), а также полевые интервью фольклорных экспедиций СПбГУ (2007–2013 гг. в Вологодскую и Архангельскую области).

начает. Если я начинаю использовать по отношению к моему собеседнику иное обращение, например перехожу с «Вы» на «ты» или наоборот, — это означает, что мы переключаемся с одного сценария взаимодействия на другой, я пробую изменить формат отношений. Если собеседник не опротестовывает мою инициативу и в ответной речи использует скоординированное по формату обращение, он тем самым подтверждает случившееся между нами изменение в отношениях. Таким образом, смены обращений имеют весомый социальный результат, а значит, выбор того или иного обращения далеко не свободен. Между тем переключение с одного формата коммуникации на другой в ситуации изменения состава «зрителей» и декорации — обычное дело. Например, в присутствии своего ребенка молодая мать выбирает для своего отца, которого обычно называет *папой*, иное обращение — *дедушка* (ж., 30 лет, Санкт-Петербург; ж., 43 года, Санкт-Петербург).

Следующий пример позволяет увидеть, как меняются правила игры с появлением третьих лиц. Коммуникативный коридор «как бабушка с внучкой», обретенный собеседницами в приватном общении, оказывается отмененным в публичной ситуации улицы и посторонних:

«Одной из моих постоянных информантов была Мария Егоровна Крупцова (1946 года), которая жила по соседству с нами. С ней я записала не так много интервью, однако во время одного из них Мария Егоровна, будучи одинокой бездетной женщиной, решила рассказать мне о том, как ее выдавали замуж. Мария Егоровна сама разрешила записать это на диктофон. При этом на стуле села ровно, выпрямилась, как будто перед камерой: «<Пишу.> Да ты спрашивай меня. <Баба Маша, а вы как замуж выходили?> Да. Трудно сказать, как я замуж выходила. <Ну, баба Маша, ну вы же не перед телевизором.> А как? <Ну, вы на него внимания не обращайте. Висит у меня на шее и висит.> Да у тебя включён ведь. <Да вы мне говорите, про свадьбу расскажете.> Я и говорю. <Давайте.> Трудно сказать, как я замуж выходила, очень трудно. Я замуж вышла по старинке. Пришли ко мне неожиданные гости. Ну “нежданные гости” называется. То есть сваты» (DAu07-034_Arch-Mez_07-07-14_KrupcovaME_3). Это было интервью, во время которого я стала называть Марию Егоровну *бабой Машей*. Из интервью видно, что она готова поддерживать такое обращение к себе, до этого я называла ее исключительно по имени-отчеству. Через какое-то время к нам приехали мои начальницы. В один из дней мы шли по улице, и я увидела Марию Егоровну. Я решила представить всех друг другу. Представляя Марию Егоровну своей начальнице, я назвала ее, уже по привычке, *бабой Машей*. Неожиданно для меня Мария Егоровна резко и жестко сказала, что она мне никакая не *баба*, что у нее вообще нет ни детей, ни внуков» (ж., 23 года, Санкт-Петербург).

Примененное младшей собеседницей обращение известно ей с детства, так в семье принято было обращаться детям к своим пожилым родственницам. Ее информантка согласилась с предложенным ей форматом общения в ситуации приватной, но отказалась от этого формата в ситуации представления лицам, для которых она не могла быть «как бабушка».

Сценарии взаимодействия заданы социальными площадками коммуникации, которые мы осваиваем с детства и пополняем в течение жизни. Так, трехлетний ребенок, рожденный в 50–80-е годы XX века, лишь отправившись в детский сад, узнавал, что взрослую женщину следует называть *Марьей Ивановной*, но никак не *Маша*, не *тетя Маша* и не *баба Маша*. Женщину такого же возраста, которая вхо-

жа в дом, он может называть *Маши* или *тетя Маши*. Таким образом он постепенно осваивает новые форматы социальных отношений. Одним из операторов, определяющих формат, как мы видим, служит обращение:

«Когда мне было 3–5 лет, мои родители учили обращаться к старшим родственникам следующим образом: тетя+имя или дядя+имя. Однако, когда я приходила вместе с мамой на ее работу в детскую больницу, мне представляли всех по имени-отчеству. Я заметила изменения в правилах обращений, когда жила со своими друзьями и их дочкой (3–4 лет). У нас часто бывали наши друзья, она ко всем обращалась по имени, говорила “ты”. Сейчас ей шесть лет. Она пользуется теми же обращениями по отношению к друзьям родителей (то есть без *тети* и *дяди*), однако после посещения детского сада начала скакать в местоимениях, переходя с “ты” на “вы” и наоборот» (ж., 31 год, Вологодская область).

Конвенции определяют характер отношений — патронаж или паритетность, подчинение или доминирование, состязание или сотрудничество. Выбирая форму обращения, участники отношений согласуют между собой их характер. Позже в своей речи они подтверждают лояльность согласованной ранее конвенции устойчивым употреблением одного и того же обращения. Например, старшая собеседница (деревенская женщина), беседуя с девушками-фольклористами, обращается к ним «девочки» на протяжении всего довольно продолжительного разговора (около двух часов), ближе к концу разговора она выделяет ведущую интервью девушку по имени, используя особую форму обращения — *Любаши* [DTxt10-202_Arch-Lesh_10-07-08_MartynovaIA.txt]. Начиная разговор девушки-студентки обращаются к своим деревенским старшим собеседницам, предварительно спросив их имя и отчество. В свою очередь те интересуются, как обращаться к посетительницам. Следующая запись была сделана в 2009 году в д. Юрома, это была первая встреча Любови Голубевой и Анастасии Колпащиковой с Анной Ивановной Бурдуевой (1927 г.р.):

- Как мне вас звать-то, величать?
- Меня Любой зовут. А вот это Настя.
- Настя? Настенька. Давай я тебе молока налью... [DTxt09_Arch-Lesh_09-07-07_BurduevaAA].

Спросив, как зовут молодых посетительниц, и услышав в ответ ту форму обращения, которую они предпочитают, Анна Ивановна использует ее во всех записанных с ней интервью. С формой обращения найдена и принята конвенция отношений, которые будут поддерживаться на протяжении ряда встреч и разговоров. Анна Ивановна не становится *тетей Аней*:

- Мы тут, Анна Ивановна, никак не можем сказки записать. Раньше рассказывали какие-нибудь сказки?
- Сказки? Цего ли не рассказывали [DTxt09-199_Arch-Lesh_09-07-14_BurduevaAA].

Анна Ивановна ответила на предложенное обращение — назвала собеседницу Любой, и дальше она в ее речи будет *Любой* или *девушкой*. Объявленная адресантом и принятая (не опротестованная) адресатом форма образует довольно жесткую конструкцию, которую собеседники неизменно выдерживают долгое время.

Поскольку в нашем распоряжении серии интервью, проведенных собирателем с одним информантом в течение ряда встреч, иногда происходивших на протяжении нескольких лет, мы можем видеть, как развиваются отношения. Иногда собиратель предпринимает «форсаж», как это происходит в примере с Марией Егоровной, приведенном выше. Но когда появляются третьи лица, собеседницы возвращаются к используемым ими ранее обращениям: по имени и отчеству — со стороны младшей, по имени — со стороны старшей. Этот пример интересен в нескольких отношениях. Во-первых, он обнаруживает в социальной компетенции городской девушки особый патронажный тип отношений между старшим и младшим, запущенный обращением *баба Маша*. Во-вторых, он показывает, что социальные компетенции участниц коммуникации (городской и деревенской женщин, относящихся к разным поколениям) сходны: обращение диагностирует достигнутую близость в отношениях собеседниц, их отношения соотносены с отношениями родственными, которые связывают поколение внуков и поколение бабушек.

Для того чтобы разобраться в характере этой связи, рассмотрим ряд ответов на вопрос, который я задавала моим информантам: когда и кого они сами называли бабой+имя собственное, и учили ли своих детей так обращаться к кому-либо.

«Каждое лето отдыхала в поселке, где родилась мама. Там все по умолчанию были *бабами*. *Баба Нина* — мама маминой одноклассницы. *Баба Аня* — мама маминой невестки. *Баба Клава* — уже моя бабушка, вторая жена деда. Но в городе свою другую бабушку так не называла. Были также несколько человек (родители маминых одноклассников в поселке), их называла по имени-отчеству: Эльвира Павловна, Мария Яковлевна. Не знаю, может, потому, что в отличие от *баб*, они занимались не огородом-хозяйством, а были учительницами и даже директором школы. Хотя по возрасту одно. Не задумывалась, но точно знала, кто баба, кто нет» (ж., Санкт-Петербург, 30 лет).

«Бабой Таней/Ниной называла своих очень городских бабушек. Дедой (без уточнения) — дедушку (дедушка был один). Но когда родители рассказывали про покойного дедушку, то называли его *деда Саша*. Да и точно помню, что дедушка про бабушку тоже говорил *баба Таня* (Когда говорил с нами)» (ж., 30 лет, Санкт-Петербург).

«Вокруг своей семьи постоянно слышал. В семье дедова брата его жену называли *баба Маня*, сестру бабушки звали *баба Уля*. Брянская обл. В нашей семье почти никогда бабушек так не называют» (м., 60 лет, Екатеринбург).

«*Баба Маня* и *баба Груня* — мои бабушки, все их так называли и я их так звал. Своих детей так не учу, мы называем *бабушка Таня*, *дедушка Боря*» (м., 35 лет, Москва).

«Сестра бабушки была *баба Нина*, никто и никогда при мне её по-другому и не называл. Ещё были соседские бабушки, которых все тоже так называли — *баба Клава*, *баба Дуся*» (ж., 19 лет, Санкт-Петербург).

«Свою деревенскую бабушку называл *баба Катя*, городскую — Дарья Григорьевна. Мои дочки (6 и 8) какое-то время использовали «полное» обращение — *бабушка Галя*, *дедушка Леша*. Сейчас в нашей семье используются оба варианта — *бабушка Оля*, *баба Галя*» (м., 34 года, Москва).

«Родительская дача в глухомани... Всех местных старожилок (от 70 и старше) именовали исключительно *бабами* — *баба Груша* и т. д. Когда это поколение ушло,

тех, кто их сменил, стали называть официально — либо имя-отчество, либо просто отчество, никаких *баб*» (м., 40 лет, Санкт-Петербург).

«Двоюродную бабушку в детстве в семье называли *баба Оля*. Но в какой-то момент, когда мы стали старше, а она старше, родители нам с братом сказали, что так называть ее некрасиво и даже немного обидно. С тех пор ее звали *тётя Оля* (в редких случаях — уважительно *бабушка Оля*)» (м., 40 лет, Москва).

Из девяноста семи опрошенных десять человек сказали, что не пользуются таким обращением никогда и не знали его в детстве, двадцать человек считали, что подобное обращение связано с социальными характеристиками речевого сообщества: обращение *баба Груша* — для старых деревенских женщин. Но большая часть опрошенных знали это обращение и пользовались им в отношении женщин поколения своих бабушек.

Связь обращений, используемых в речи, с форматами принятых социальных отношений становится особенно заметной на примерах использований терминов родства: одни и те же лексемы, используемые в номинативной и апеллятивной функции, меняют свои значения. Лексика родства (*мать, отец, брат, сестра, тетя, дядя* и их производные) в русской спонтанной устной речи применяется в качестве обращений не только по отношению к матери, отцу, брату, сестре, тете или дяде. Термины родства служат для установления сложных паритетных или патронажных отношений разной степени приватности, которые предлагаются в качестве сценария для взаимодействия между лицами, отнюдь не находящимися в определяемых этими терминами родственных отношениях.

Изменение в способе обращения от приватного, установившегося и привычного, к стандартному, предпринятое говорящим (*Иван Иванович* вместо привычного *Иваныч, Петя* вместо *Петь, Ольга* вместо *Олик*), немедленно выводит коммуникацию на грань конфликта. Сошлюсь на исследования Г. Гарфинкеля: он изучал форматы и сценарии взаимодействия людей, предлагая своим студентам вести себя дома этикетно, то есть следовать нормативному, а не узуальному сценарию. Гарфинкель описывает результаты экспериментов следующим образом: «В эксперименте студентов попросили провести у себя дома от пятнадцати минут до часа, не только воображая себя постояльцами, но и действуя, исходя из этого предположения. Инструкция предписывала им вести себя осмотрительно и вежливо. Они должны были избегать личных выпадов, пользоваться формальными обращениями, говорить только тогда, когда к ним обратятся. В девяти из сорока девяти случаев студенты либо отказались выполнять задание (пять случаев), либо попытка выполнить его оказалась unsuccessful (четыре случая). Четверо из отказавшихся студентов заявили, что побоялись его выполнять, а пятая объяснила, что предпочла не рисковать и не беспокоить мать, у которой большое сердце. В двух из «неуспешных» случаев семья с самого начала отнеслась к поведению студента как к шутке, отвергла ее и не изменила своей позиции, несмотря на все попытки студента продолжить выполнение задания. Третья семья решила, что за этим что-то кроется, но их не заинтересовало, что бы это могло быть. В четвертой семье отец и мать отметили, что дочь что-то «чересчур мила» и, значит, ей, несомненно, что-то нужно, а что именно, скоро выяснится. В остальных сорока случаях члены семьи были озадачены. Они явно старались как-то понять странное поведение одного из них и вернуть ситуа-

цию в нормальное русло. Отчеты студентов полны упоминаниями о потрясении, замешательстве, шоке, беспокойстве, раздражении и гневе, а также о самых разных обвинениях, услышанных ими от членов своей семьи — в нечестности, отсутствии сочувствия, эгоизме, невежливости» [Гарфинкель, с. 50].

Собственно говоря, мы хорошо знаем, как подобное происходит. Когда кто-то из близких, который обычно обращается к тебе, например, *Светик*, вдруг употребляет нейтральное обращение *Света* или, что еще хуже, *Светлана*, можно догадаться, что дело плохо. Меня «переключили», перевели в другой коридор коммуникации. И мы знаем, что это — угроза имеющимся отношениям. Отношения, на которые рассчитываем, которые согласовали, подтвердили и подтверждаем каждый день, общаясь друг с другом, теперь в опасности. Я бы предложила метафору, которая поможет это представить. Когда речь идет о социальных отношениях, то предлагается представлять их как структуру, в узлах которой находятся взаимодействующие члены сообщества. И соответственно их социальный статус определен тем местом, которое они занимают в этой структуре. Но, как мне представляется, здесь уместней было бы использовать в качестве метафоры не решетку, не сеть, но ткань, постоянно ткущуюся. Это постоянное производство отношений, которые строятся в соответствии с неким общим порядком, общим рисунком, который мы предполагаем. Взаимодействуя, мы каждый раз проверяем, а в этих ли мы отношениях, в этой ли мы связи? Здесь ли мы находимся или уже нет? Но дело в том, что тот рисунок, к которому мы апеллируем как к заданному, возникает в результате этого ткачества (позволю себе продолжить использование метафоры). Иными словами, мы апеллируем к не существующей, но постоянно создаваемой норме. Нет такого учебника, где бы было описано, а каковы должны быть отношения между, например, двумя мужчинами, которые обращаются друг к другу *брат*, или женщинами-ровесницами, которые обращаются друг к другу *девушка*. Предположим, мы приехали в новую страну, где принято такое обращение, но что за этим стоит? Какие ты берешь на себя обязательства, если будешь использовать то или иное обращение? Для того чтобы показать, как работают обращения такого типа, обратимся к записям разговорной речи. Материалом для анализа послужил словарь, составленный А. Г. Лапиным, белозерским краеведом, в 50–70-е годы XX в. [Лапин, с. 197–235]. В него были включены слова, с точки зрения составителя, местные, а также примеры, демонстрирующие контекст их употреблений. Чтобы проверить предположения, возникшие в процессе анализа этих записей, я провела серию интервью с белозёрами, цель которых состояла в получении развернутых комментариев к возможностям использования тех или иных обращений [Адоньева, с. 257–266]. Меня интересовало, кто и кому может или, наоборот, не может по тем или иным соображениям сказать ту или иную фразу, зафиксированную Лапиным. Приведу несколько примеров из словаря и прокомментирую их, используя полученную в результате интервью информацию.

Ну, сяди у тебя, матка, похлебень, так только для свиной [Лапин, с. 222]. Ср: «Матка — это чаще всего к жене так обращались. Матка — это жена, это мужчина всегда говорил. <А женщина может кому-то сказать матка?> Нет, я думаю, нет. <А вот к матери?> Нет, к матери нет. Именно мужчина говорит жене».

Обращение *матка* задает совершенно определенный характер отношений говорящего и адресата — муж и жена, а также их возрастной и социальный статус —

муж-большак обращается к своей жене-хозяйке. Такое обращение невозможно по отношению к молодой жене.

Ой, мама, седни на мою кофточку до чего все дозарились [Лапин, с. 206]. Ср.: «<Вот, мама? Ну, вот понятно, что ребенок к матери, а вот еще кто может быть? Вот, свекровь, она мама? А как зовут свекровь?> Так-то мамой тоже зовут. Раньше-то вообще мамой звали, хоть тещу, хоть свекровь. <А сразу после свадьбы нужно было мамой звать?> Да. Теперь-то чаще всего по имени-отчеству зовут».

В белозерских и мезенских деревнях обращение *мама* к свекрови остается нормой. (На материале мезенских записей см.: [Курзина, с. 262–267].)

Ну, матушка, у моей невестки норы как у борова. Доска поперешина [Лапин, с. 215]. Ср. «А уж девки-то не споют хулиганских-то частушек. Не-ет. А теперь-то, матушка моя, погляди, че делается в Липином Бору дак...»

Обращение *матушка* используется в тех случаях, когда старшая женщина обращается к младшей, чаще — не дочери и не невестке, чужой. Информанты-мужчины (старшие) чаще всего используют другое обращение — *дочка*. То же обращение — *дочка* — мужчины используют в общении с невестками.

Седни, девка, в печке три беремья истопила [Лапин, с. 198].

Девка, девушка — обращение девочек, девушек и женщин любого возраста, которое они используют в разговоре между собой. Когда мать говорит о своей дочери или обращается к ней, она также называет ее *девка*.

«Ну, парень, он меня нажег на этой покупке, на четвертную обманул» [Лапин, с. 213]. Из интервью: «<А парень?> К мужчине любого возраста. <А кто так может сказать?> Тот, кто старше. И мужчина, и женщина так могут сказать».

В начале 1990-х годов, когда в нашей стране активно обсуждались и менялись идеологические и социальные ориентиры, обсуждалась и проблема обращений. От нормативного советского обращения *товарищ* или протоколно милицейского *гражданин* пытались отказаться. Предлагались иные, в первую очередь — *госпожа* и *господин*. С тех пор прошло четверть века. Мы пользуемся обращением *господин/госпожа* очень редко, обычно в ситуациях, скалькированных с иностранного протокола, где такие обращения имеются. Мы не пользуемся и обращением *товарищ*. В тех ситуациях, когда мы должны заговорить с незнакомыми людьми, мы пользуемся обращениями, маркирующими пол и/или возраст (*мужчина, женщина, девушка, молодой человек*), или вовсе избегаем обращений, пользуясь этикетными фразами «*Будьте добры*», «*Простите*» и пр. Социальное пространство, открытое для состязания в том, кто определяет формат отношений, пространство неопределенных социальных связей вовлекает участников коммуникации в поиск обращений и соответственно в конструирование отношений, возникающих здесь и сейчас, с опорой на известную традицию. В качестве обращения к инспектору ГИБДД водитель транспортного средства использует слово *начальник*, в качестве обращения к обслуживающему персоналу гостиницы — *шеф*, в качестве обращения к старшей женщине мужчина использует термины родства — *мать* и т. п. Следуя предложенной логике, это означает, что социальная ткань, актуальная для сегодняшнего

речевого сообщества, при имеющемся, несомненно, материальном расслоении не имеет сословного неравенства: легитимных отношений социального неравенства, которые и могли бы быть артикулированы обращением *господин/госпожа*, не существует. Многолетняя практика всеобщего товарищества отменила формы взаимного признания доминирования и подчинения, в основании которых была сословная структура общества. Вертикальные и паритетные отношения в сфере публичной коммуникации артикулируются сложным в тактическом отношении употреблением имен и отчеств. Анализ обращений, практикуемых в устной речи, дает возможность различить ткань актуальных социальных отношений общества, а также фоновые ожидания, которые обеспечивают производство социальной жизни.

Литература

- Архив петербургской русистики // Сервер: Архив петербургской русистики. Кафедра русского языка филологического факультета СПбГУ. 2008. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/http://www.ruthenia.ru/apr> (дата обращения: 18.04.2015).
- Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Амфора, 2004. 312 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Вып. 2. № 1. С. 42–70.
- Курзина Н. А. «Незнакомую старушку надо матушкой назвать»: к вопросу об отношениях свекрови и молодки // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии. Филологический практикум / сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 262–267.
- Лапин А. Г. Местные слова и выражения, бытующие в Белозерском крае // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. / сост. Ю. С. Васильев. Вологда: Русь, 1994. С. 197–235.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
- Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.

Для цитирования: Адоньева С. Б. Обращение в устной речи и конвенции социальных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 5–14. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.301.

References

- Arkhib peterburgskoi rusistiki [Archive of Petersburg Russian Studies]. Server: *Arkhib peterburgskoi rusistiki* [Server: *Archive of Petersburg Russian Studies. Department of Russian Language, Faculty of Philology*]. 2008. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/http://www.ruthenia.ru/apr> (accessed: 18.04.2015). (In Russian)
- Adonyeva S. B. *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press; Amfora Publ., 2004. 312 p. (In Russian)
- Benveniste E. *Obshchaia lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p. (In Russian)
- Fol'klornyi arkhiv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [St. Petersburg University Archive of Folklore]. (In Russian)
- Garfinkel' G. Issledovanie privychnykh osnovanii povsednevnykh deistvii [Research on habitual Basis of Everyday Actions]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2002, vol. 2, no. 1, pp. 42–70. (In Russian)
- Kurzina N. A. “Neznakomuiu starushku надо matushkoii nazvat’”: k voprosu ob otnosheniiakh svekrovi i molodki [“It is necessary to name an unknown old woman as a mother”: On Relations between a Mother-in-Law and a Bride]. *Kommunikativnye konventsii i sotsial'nye stsenarii. Filologicheskii praktikum* [Communication Conventions and Social Scenarios]. Comps. S. B. Adonyeva, S. O. Kupriianova. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2014, pp. 262–267. (In Russian)

Lapin A.G. Mestnye slova i vyrazheniia, bytuiushchie v Belozerskom krae [Local Words and Phrases in Belozerskiy region]. *Belozërë: Istoriko-literaturnyi al'manakh* [Belozerie: Historical and Literal Almanac]. Comp. Iu. S. Vasilev. Vol. 1. Vologda, Rus' Publ., 1994, pp. 197–235. (in Russian)
Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Ed. by V.N. Iartseva. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2002. 709 p. (in Russian)

For citation: Adonyeva S. B. Addressing in Oral Speech and Frames of Social Network. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 5–14. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.301.

Статья поступила в редакцию 5 июня 2015 г.

Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Адоньева Светлана Борисовна — доктор филологических наук, профессор; spbfolk@mail.ru
Adonyeva Svetlana B. — Doctor of Philology, Professor; spbfolk@mail.ru